

О НАЧАЛЕ ПОВОРОТА СИБИРСКОГО ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Д. К. ШЕЛЕСТОВ

Изучение на конкретном материале поворота в сторону диктатуры пролетариата миллионных трудовых слоев деревни имеет исключительно важное значение для понимания процесса формирования и развития военно-политического союза рабочего класса и крестьянства — решающей общественной силы в разгроме белогвардейцев и интервентов. Этот поворот, отмеченный В. И. Лениным осенью 1918 г. в целом по стране, в условиях Сибири, как и в ряде других районов, захваченных интервентами и белогвардейцами, имел своеобразные особенности. Здесь одним из основных факторов, определивших переход трудового крестьянства на сторону Советской власти, явился его собственный опыт, полученный в ходе гражданской войны. Сравнив на деле диктатуру пролетариата и диктатуру буржуазии и помещиков, сибирское трудовое крестьянство поднялось на борьбу против интервентов и белогвардейцев, за восстановление Советской власти.

Вот почему для определения начала поворота трудовых масс сибирской деревни в сторону Советской власти важнейшее значение имеет правильная оценка первых массовых вооруженных выступлений крестьянства, вылившихся в форму восстаний, которые в конце лета и осенью 1918 г. прошли почти по всей Сибири. Они непосредственно предшествовали возникновению партизанского движения и занимают важное место в процессе развертывания борьбы трудящихся за восстановление Советской власти в Сибири.

В нашей литературе эти восстания не получили еще должного освещения, что породило некоторую путаницу и в вопросе о начале борьбы трудового крестьянства Сибири против внутренней и внешней контрреволюции, за власть Советов.

Еще в 20-х годах определились две принципиально различные точки зрения по этому поводу. В 1922 г. один из видных сибирских эсеров Е. Колосов опубликовал статью о крестьянском движении при Колчаке. Основной смысл ее сводился к тому, что крестьянские восстания в Сибири «начинаются одновременно с переворотом 18 ноября», т. е. только с момента установления колчаковской диктатуры¹. Не трудно понять, для чего это доказывалось. Замалчивая крестьянские восстания до колчаковского переворота, Е. Колосов хотел внушить читателю мысль, что никаких народных выступлений против эсеро-меньшевистского «правительства» Сибири не было, а массы крестьянства поддерживали его вплоть до установления колчаковской диктатуры. В том же 1922 г. появилась статья П. Парфенова о восстании крестьян Славгородского уезда Алтайской губернии в сентябре 1918 г.² В ней была сделана попытка разоблачить антикрестьянскую политику эсеров. Однако само Славгородское восстание П. Парфенов изобразил в кривом зеркале. Он показывает выступление крестьян как стихийный бунт только против местных властей и утверждает, что к моменту восстания крестьяне еще сохраняли веру в сибирское «правительство» и областную думу. Тем самым П. Парфенов по существу солидаризировался с «концепцией» Е. Колосова. К этому следует добавить, что статья П. Парфенова мало

¹ Е. Колосов. Крестьянское движение при Колчаке. «Былое», 1922, № 20. Эти же рассуждения содержатся в его книжке «Сибирь при Колчаке» (Пг., 1923).

² П. Парфенов. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г. «Пролетарская революция», 1922, № 7. Свою оценку Славгородского восстания П. Парфенов повторил и в вышедшей несколько позже книге «Гражданская война в Сибири. 1918—1920 гг.» (М., 1925).

достоверна по своему фактическому материалу, в ней перепутаны даты, неправильно освещаются некоторые события и т. д. Вряд ли стоило бы говорить о ней так подробно, если бы некоторые из советских историков, как увидим ниже, не воспринимали некритически материалы П. Парфенова. С отрицанием значения крестьянских восстаний осени 1918 г. выступил четыре года спустя и В. Эльцин, опубликовавший в 1926 г. статью о крестьянском движении в Сибири³. В этой статье искажалась сущность повстанческо-партизанского движения, отрицались его советский характер, руководящая роль в нем рабочего класса и Коммунистической партии.

В 20-е годы появились и первые работы, заложившие основу для правильного понимания вопросов, связанных с крестьянским движением в Сибири осенью 1918 г. В 1925 г. Центрархив издал сборник документов о партизанском движении в Сибири⁴. В нем впервые были опубликованы документы о восстании в Минусинском уезде Енисейской губернии. Вслед за этим в 1926 г. вышли записки Т. Чуева о восстании в Славгородском уезде, в которых автор подверг серьезной критике многие неверные утверждения П. Парфенова⁵. В 1929—1930 гг. были изданы воспоминания Н. Обухова о Минусинском восстании и В. Цыкунова о выступлении крестьян в Змеиногорском уезде Алтайской губернии⁶. Разумеется, эти воспоминания, как и другие, вышедшие в свет в те годы⁷, не претендовали на глубокую и всестороннюю оценку крестьянских выступлений, однако появление их, наряду с публикацией документов, дало толчок к изучению крестьянских восстаний осенью 1918 г., обратило на них внимание историков партизанского движения.

Об этом свидетельствует появление в сибирской печати в 1929—1933 гг. двух небольших статей-заметок В. Вегмана и А. Абова⁸. На основе имевшихся к этому времени материалов они правильно утверждали, что партизанское движение против белогвардейщины и интервентов началось еще до прихода к власти Колчака, и подвергли критике фальсификаторские утверждения Е. Колосова и В. Эльцина. Однако эти положения были высказаны авторами в самом общем виде, без сколько-нибудь серьезного анализа истории самих восстаний. К тому же, на наш взгляд, в статьях не была четко определена грань между восстаниями и собственно партизанским движением, оба понятия были смешаны, а размах партизанского движения к ноябрю 1918 г. несколько преувеличен. Особенно это относится к статье В. Вегмана, с утверждением которого о том, что «когда Колчак пришел к власти, партизанское движение уже было в разгаре»⁹, вряд ли можно согласиться.

К сожалению, в последующее двадцатилетие публикация материалов, относящихся к восстаниям, проводилась очень не систематически,

³ В. Эльцин. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака. «Пролетарская революция», 1926, № 2—3.

⁴ «Партизанское движение в Сибири», т. 1, Приенисейский край, М.—Л., 1925, ч. 1, док. 1—14.

⁵ Т. Чуев. Чернодольское восстание. «Сибирские огни», 1926, № 5—6.

⁶ Н. Обухов. Восстание минусинских крестьян в 1918 году. «Сибирские огни», 1929, № 6; В. Цыкунов. В огне. Воспоминания. «Сибирские огни», 1930, № 8—10. Воспоминания В. Цыкунова были изданы впоследствии отдельной книгой.

⁷ См., напр., воспоминания Е. Терехило в газ. «Степная правда» (Славгород) за август-сентябрь 1927. Интересные материалы о восстаниях на Алтае печатались в связи с процессом над карателем Анненковым в газ. «Советская Сибирь» (Новосибирск) в июле-августе 1927 г.

⁸ В. Вегман. Зарождение партизанского движения. «Просвещение Сибири», 1929, № 11; А. Абов. Необходимо внести ясность. «Сибирские огни», 1930, № 10. Статья почти полностью вошла в брошюру А. Абова «О партизанском движении в Сибири» (Новосибирск, 1932).

⁹ В. Вегман. Указ. статья, стр. 13 (подчеркнуто мной.— Д. Ш.).

от случая к случаю. Прежде всего следует выделить документы о крестьянских выступлениях в Алтайской губернии¹⁰, а также некоторые интересные воспоминания (И. В. Громова, С. Г. Туманова¹¹ и др.). Что касается исследовательской литературы, то вплоть до середины 50-х годов так и не появилось ни одной работы, специально рассматривающей крестьянские выступления в Сибири осенью 1918 г. В работах более общего характера, как правило, содержались только упоминания об этих выступлениях без серьезного и глубокого анализа их хода и того места, которое они занимают в процессе борьбы против интервентов и белогвардейцев¹². Особенно неудовлетворительно из работ этого периода описаны восстания в книге Вл. Молотова, посвященной большевистскому подполью в Сибири в 1918—1920 гг.¹³. Положив в основу материалы П. Парфенова, автор неверно осветил причины и ход Славгородского восстания, привел факты, которые не подтверждаются никакими документами.

В последнее время в историографии гражданской войны в Сибири наметилась правильная, на наш взгляд, тенденция к оценке этих восстаний. В работах М. И. Стишова, В. Г. Мирзоева и некоторых других¹⁴ они рассматриваются как начало поворота масс сибирского трудового крестьянства к борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией, поворота, сыгравшего огромную роль в развитии партизанского движения. Однако в вопросе о роли и месте восстаний, в их оценке все еще нет достаточной ясности. Об этом свидетельствует, например, изложение материалов, связанных с восстаниями, в недавно вышедших в целом интересных и полезных очерках «Борьба за власть Советов на Алтае» и «Славное сорокалетие»¹⁵. В первом из них довольно подробно изложен ход Славгородского восстания, а также упоминается о выступлениях крестьян в Змеиногорском и Бийском уездах. Однако авторы не делают обобщающих выводов из этих материалов, не связывают восстания в Алтайской губернии с подобными выступлениями в других районах Сибири. Ограничившись общей фразой о том, что «борьба трудящихся Алтая против белогвардейцев и контрреволюционного режима Временного Сибирского правительства явилась грозным предзнаменованием массовой вооруженной войны против кровавой колчаковской диктатуры»¹⁶, они отказались от более глубокой оценки крестьян-

¹⁰ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Сб. док. и материалов. Новосибирск, 1936, стр. 21—27. В 1959 г. в Новосибирске вышло второе, исправленное и дополненное издание сборника. В дальнейшем ссылки даются на 2-е изд.

¹¹ И. В. Громова. В боях за Советы. В кн. «За власть Советов». Воспоминания участников партизанского движения в тылу Колчака. Документы, Новосибирск, 1947; С. Г. Туманова. В борьбе за Советы, Омск, 1950.

¹² См., напр., М. В. Красных. Омские большевики в годы гражданской войны, Омск, 1947, стр. 38—39; А. Худяков. Гражданская война на Алтае, Барнаул, 1952, стр. 74—75, и др.

¹³ Вл. Молотов. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1920 гг.), Омск, 1949, стр. 115.

¹⁴ М. И. Стишов. О некоторых особенностях образования военно-политического союза рабочего класса и крестьянства в условиях Сибири и его роли в разгроме колчаковщины. В сб. статей «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957; В. Мирзоев. Партизанское движение в Западной Сибири, Кемерово, 1957. Оценка крестьянских восстаний, близкая к оценке М. И. Стишова и В. Г. Мирзоева, дается автором настоящей статьи в работе о Славгородском восстании, опубликованной в «Вестнике МГУ» (1954, № 1). В общей форме о восстаниях как начале поворота трудового крестьянства на борьбу за власть Советов говорят М. Е. Плотникова («Труды Томск. гос. ун-та», т. 136, 1957); В. А. Овсянкин (УЗ ЛГУ, № 258, вып. 30, 1959); А. Н. Резниченко (сб. «Боевые годы», Новосибирск, 1959) и некоторые другие исследователи.

¹⁵ «Борьба за власть Советов на Алтае» (ист. очерк), под ред. Т. А. Кулакова, Барнаул, 1957; «Славное сорокалетие». Из истории Красноярской партийной организации, под ред. В. П. Сафронова, Красноярск, 1957.

¹⁶ «Борьба за власть Советов на Алтае», стр. 228.

янского движения на Алтае осенью 1918 г. Еще более неудовлетворительно освещается Минусинское восстание в очерке «Славное сорокалетие». Об этом выступлении говорится мимоходом, всего лишь на полтора страничках, без какой-либо попытки серьезно проанализировать его значение. Подобные же недостатки характерны и для недавно опубликованной книги М. А. Гудошников¹⁷. В заслуживающем внимания исследовании В. Т. Агалакова неожиданно вновь всплывают материалы П. Парфенова о Славгородском восстании, уже давно опровергнутые участниками и очевидцами событий¹⁸. Непонятно и утверждение М. Н. Журавлева во введении к новому изданию документального сборника «Партизанское движение в Западной Сибири»: крестьянские восстания осенью 1918 г., пишет он, прошли под влиянием городских восстаний¹⁹. Бесспорно, что крестьянское движение развивалось под воздействием борьбы рабочего класса, в том числе и героических пролетарских восстаний в декабре 1918—апреле 1919 гг. Однако они не могли оказать влияния на крестьянские выступления осенью 1918 г. по той простой причине, что эти выступления произошли раньше городских восстаний. В интересной работе Л. М. Спирина, посвященной разгрому армии Колчака, в соответствующих разделах вообще нет упоминания о крестьянских восстаниях осенью 1918 г. Больше того, автор утверждает, что только «с весны 1919 г. в Сибири стали складываться условия для создания союза рабочих и большинства крестьян»²⁰. Тем самым, по существу, начало перелома в настроении сибирского крестьянства Л. М. Спирин относит к весне 1919 г., а крестьянское движение предшествующего периода невольно зачеркивается.

Все это в значительной степени объясняется тем, что до сих пор почти нет работ, специально посвященных вооруженным выступлениям сибирского трудового крестьянства осенью 1918 г. Между тем именно анализ этих выступлений, взятых в совокупности, выяснение их характера, а также места и значения в общем процессе борьбы трудящихся позволяет четко определить начало поворота трудовых слоев сибирской деревни на борьбу за власть Советов.

* * *

Летом 1918 г. в результате контрреволюционного мятежа, организованного англо-франко-американскими империалистами, Советская власть в Сибири пала. При поддержке иностранных штыков 30 июня в Омске было создано Временное сибирское «правительство». Это была контрреволюционная диктатура буржуазии и помещиков, прикрытая эсеро-меньшевистскими фразами о «народоправстве», «учредительном собрании» и т. д.

С первых же дней господства контрреволюционного режима началась упорная борьба рабочего класса против интервентов и белогвардейцев. Пролетариат, писала 27 июля 1918 г. газета «Известия ВЦИК», характеризуя обстановку в Сибири летом 1918 г., «сразу встал в резко оппозиционное отношение к Сибирскому белогвардейскому правительству». Лето и осень 1918 г. прошли под знаком роста забастовочной и стачечной борьбы сибирского пролетариата. Решающее значение в развертывании борьбы трудящихся за восстановление Советской власти в Сибири имело создание под руководством и по указаниям ЦК РКП (б) большевистского подполья. В июле-августе начали работу нелегаль-

¹⁷ М. А. Гудошников. Очерки по истории гражданской войны в Сибири, Иркутск, 1959, стр. 114—115.

¹⁸ В. Т. Агалаков. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири. 1919—1921 гг., Иркутск, 1958, стр. 16.

¹⁹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 11.

²⁰ Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака, М., 1957, стр. 136.

ные большевистские организации в Омске, Барнауле, Томске, Красноярске и ряде других городов Сибири, создавались подпольные ячейки в сибирских селах. На прошедшей 18—22 августа под Томском Первой нелегальной конференции большевиков Сибири был создан руководящий партийный центр — Сибирский областной комитет РКП(б), который объединил большевиков-подпольщиков, вооружил их единой программой борьбы²¹. Непрерывающаяся борьба пролетариата, героическая деятельность большевистского подполья оказали могучее революционизирующее воздействие на массы сибирского трудового крестьянства.

Сложной и противоречивой была летом 1918 г. обстановка в сибирской деревне. В момент контрреволюционного мятежа сибирское трудовое крестьянство в массе своей не поддержало пролетариат в борьбе за власть Советов. Хорошо знавший сибирскую деревню того времени И. В. Громов вспоминает, что во время мятежа мужики отмахивались: «Белы да красные дерутся, а нам какое дело»²². Сибирские крестьяне, одурманенные эсеровскими разглагольствованиями о «народоправстве» и «демократии», колебнулись в сторону контрреволюции. В. И. Ленин отмечал; «Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата»²³.

На путь приобретения этого практического опыта и встала сибирская деревня летом 1918 г. Уже в июле-августе эсеровско-меньшевистское «правительство» осуществило целый ряд мероприятий, свидетельствовавших о начале реставрации ненавистных царских порядков. 6 июля был принят закон о возвращении «захваченных» земель, по которому «все имения, принадлежавшие как отдельным лицам, так равно и товариществам, обществам и учреждениям, лежащие на землях, арендованных и собственных, возвращаются их владельцам со всем инвентарем, живым и мертвым». Это означало, по существу, денационализацию сибирских земель в интересах крупных земельных собственников и кулачества. 25 июля был принят закон «Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири», согласно которому решение земельных вопросов на местах передавалось эсеровско-кулацким земствам, слепо следовавшим политике буржуазной реставрации²⁴.

Отдав деревню во власть эсеровско-кулацких земств, «правительство» вместе с тем проводило политику открытого грабежа трудового крестьянства. Для содержания громадного полицейско-бюрократического аппарата и ведения борьбы против Советской республики требовались средства. В связи с этим выколачивались налоги и недоимки не только за предшествовавший 1917 г., но и за 1914—1916 гг. Деятели сибирского «правительства», писали в сентябре 1918 г. восставшие славгородские крестьяне, восстанавливают старые царские порядки, «не создавая, что все их жалкое существование зависит [от] трудового крестьянина, которого они обдирают податями и разными налогами... Временное правительство начинало издавать горы законов и распоряжений, в которых трудно было разобраться самому ловкому адвокату. Оно создало нам целую армию чиновников, которые сидят, как пауки в паутине, задавшись целью сдирать с крестьян налоги, т. е. последние добытые трудом копейки»²⁵.

Чтобы обеспечить взимание налогов и недоимок, эсеровско-меньшеви-

²¹ См. К. М. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 18—20.

²² И. В. Громов. Указ. соч., стр. 50.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 243.

²⁴ ЦГАОР и СС, ф. 159, оп. 1, д. 301, л. 32; д. 303, л. 5.

²⁵ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 158—159

ские деятели решили применить силу. «Необходимо показать деревне,— писала «Сибирская речь»,— что у правительства имеется реальная сила, могущая подчинить его требованиям. Такой реальной силой будет посылка военных летучих отрядов, специально от военной власти»²⁶. По сибирским деревням вновь, как и в царские времена, загуляла плетка. «Вот так-то и пришла к нам эсэро-меньшевистская власть,— вспоминает бывшая партизанка М. Р. Камбалова,— ласково, с обещаниями, с улыбочками. А затем улыбающаяся маска исчезла, и действительное лицо белогвардейщины предстало во всей своей красе — с нагайками и расстрелами»²⁷.

В этой обстановке пришли известия о мобилизации в армию молодежи 1898—1899 гг. рождения. В приказах и распоряжениях, направленных в августе из Омска на места в связи с мобилизацией, указывалось на необходимость осуществить ее, несмотря ни на какое сопротивление. «Всякая попытка агитации против призыва,— говорилось в циркуляре министра внутренних дел,— тем более сопротивления, должна быть пресекаема действительным применением силы»²⁸.

Мобилизация и связанные с ней репрессии явились последней каплей в чаше терпения. В деревнях нарастало брожение. Большевик В. Цыкунов, скрывавшийся в то время в одном из алтайских сел, впоследствии вспоминал: «Наступили августовские страдные дни... Настроение у всех было тревожное... Скоро по заимкам прошел слух о мобилизации. Крестьяне глухо заволновались... К нам на гумно, словно сговорившись, ехали крестьяне из окольных заимок. С осторожностью они спрашивали меня, что мы, большевики, намерены делать дальше»²⁹.

Один за другим сельские сходы принимали приговоры об отказе от мобилизации. В ответ на это в деревни ринулись отряды карателей. Стычки с ними, жестокие репрессии карателей послужили непосредственным поводом к большинству первых крестьянских выступлений, начавшихся в августе 1918 г. Но на самом деле причины этих восстаний лежали гораздо глубже. В. И. Ленин прозорливо вскрыл процессы, шедшие в этот период в тылу восточной контрреволюции. 29 июля 1918 г., выступая на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабзавкомов и профсоюзов Москвы, он говорил: «Там, где нет большевиков и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехословаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехословаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов»³⁰.

* * *

Крестьянские восстания, точно бушующая волна, прокатились по территории Сибири в почти строгой последовательности с запада на восток. Одним из первых поднялось трудовое крестьянство Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Ко второй половине августа обстановка здесь достигла наивысшего накала. Крестьяне отказывались платить подати, повиноваться местным властям, отправлять своих детей в армию. Сходы выносили многочисленные приговоры, в которых выражали сомнения в законности самого существования Временного

²⁶ «Сибирская речь», 8 сентября 1918 г.

²⁷ «За власть Советов», сб. воспом., Кемерово, 1957, стр. 128.

²⁸ «Алтайские губернские известия», 11 сентября 1918 г.

²⁹ В. Цыкунов. Указ. статья, стр. 40.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 15.

сибирского «правительства». Так, крестьяне Любинской волости 26 августа приняли решение: «По обсуждении означенного вопроса на общем собрании Любинской волости мы единогласно постановили: призывали призыв молодых людей вышеозначенного возраста — неправильным. Кроме сего, не видим от Временного правительства со дня его вступления в управление Сибирью никакого для всего крестьянства улучшения и получения обещанной земли, а таковая, как видно, с переходом власти перешла всецело в руки помещиков и капиталистов»³¹.

Эти настроения беднячко-средняцких слоев деревни создавали благоприятные условия для деятельности скрывавшихся в уезде большевиков, которые широко развернули агитацию среди крестьян, помогая им разобратся в антинародной сущности эсеро-меньшевистского «правительства». Вскоре после объявления мобилизации группа бывших работников Тюкалинского Совета, перешедших на нелегальное положение и связанных с омским большевистским подпольем, провела совещание. На нем был создан «Революционно-большевистский партизанский штаб», в который вошли братья Голубевы, А. Вострухин, М. Куланов, И. Чемерев, С. Туманов и др. Штаб поставил перед собой задачу подготовки восстания против белогвардейского «правительства». С этой целью члены штаба вели по деревням агитацию среди крестьян. Подпольщики сумели организовать выпуск десятки листовок, которые расклеивались в Тюкалинске и окрестных селах. «Никакой пощады власти капитала! Долой гнусных предателей! Никаких с ними соглашений! Вся власть Советам! Да здравствуют большевики — действительные защитники интересов трудового народа!», — призывала одна из листовок³².

В короткий срок подпольщикам удалось установить связь со многими деревнями, а к концу августа — организовать повстанческий отряд, который насчитывал 400—500 человек, но был плохо вооружен. Отряды создавались и другими нелегальными организациями, действовавшими в деревнях уезда.

В частности, крупная нелегальная организация крестьян-бедняков образовалась в деревне Гагарино. Она распространила свое влияние на соседние деревни (Бычки, Лебяжье, Березки и др.) и была связана с тюкалинскими подпольщиками. Здесь был сформирован отряд, который предполагалось использовать для действий в направлении железнодорожной магистрали Омск—Ишим и захвата станции Новоазыбаевка. По доносу кулаков о гагаринских подпольщиках стало известно властям. 24 августа в деревню прибыл отряд карателей. Однако повстанцы приготовились к его встрече. Они ушли из села и организовали засаду. Когда каратели двинулись из Гагарина в деревню Бычки, повстанцы, засевшие в лесу, встретили их огнем и разгромили отряд³³. Весть о гагаринском бое — первом в Тюкалинском уезде открытом организованном выступлении против белогвардейцев — широко разнеслась по всей округе.

Основной удар повстанцы предполагали нанести по уездному центру Тюкалинску — небольшому городку северо-западнее Омска. 29 августа белогвардейцы назначили здесь явку мобилизованных. Подпольщики решили воспользоваться этим, попытаться захватить город и сорвать мобилизацию. В назначенное время отряды повстанцев ворвались в Тюкалинск. «Вооруженные из деревни, — доносил 29 августа 1918 г. один из офицеров командиру Степного корпуса, — обстреляли телеграф,

³¹ М. В. Красных. Указ. соч., стр. 38.

³² Т. В. Голубев. Крестьянское восстание. В сб. «В огне революции и гражданской войны». Воспоминания участников, Омск, 1959, стр. 181—182; С. Г. Туманов. Указ. соч., стр. 45—46.

³³ См. Н. Хайруллин. Гагаринский бой. «Омская правда», 25 августа 1959 г.

пытались его захватить. Тюкалинск обстреливается деревенскими. Есть убитые и раненые»³⁴. Первоначально события развертывались благоприятно для повстанцев. Им удалось занять почту и телеграф, окружить некоторые другие важные здания. Однако захват города был в целом слабо подготовлен. Отряды из некоторых деревень запоздали к решающему моменту, у повстанцев было очень мало оружия, плохо работала разведка. Кроме того, они не сумели сохранить в тайне организацию выступления. Предупрежденные кулаками, местные власти приготвились к отпору.

Завязав в городе бой, повстанцы прорвались к сборному пункту мобилизованных и после короткого митинга распустили новобранцев по домам. Одна из целей выступления — срыв мобилизации — была таким образом достигнута. Но взять город повстанцы не смогли. Теснимые войсками, они были вынуждены отступить. Попытка захватить Тюкалинск явилась кульминационным пунктом восстания. «После отступления из города, — вспоминает С. Г. Туманов, — партизаны (лучше сказать «повстанцы». — *Д. Ш.*) вновь ушли в подполье»³⁵. В уезде началась дикая вакханалия карателей.

Не успел развеяться пороховой дым на улицах Тюкалинска, как за сотни километров отсюда, в обширном районе Южной Сибири — Славгородском уезде Алтайской губернии — в первых числах сентября вспыхнуло новое, еще более мощное крестьянское восстание. Оно вызревало постепенно, и первые симптомы недовольства бедняцко-средняцких слоев обнаружались здесь уже в начале августа. Конфликты возникли, когда было объявлено о сборах недоимок за предшествующий период и податей за 1918 г.³⁶ Деревня встретила это постановление в штыки. «В уездную земскую управу, — сообщил 1 августа 1918 г. «Вестник Славгородского земства», — поступают приговоры сельских обществ о том, что общества отказываются от раскладки и уплаты государственной оброчной подати и губернского земского сбора по окладным листкам, разосланным Томской казенной палатой на 1918 год».

В это время пришли первые вести о мобилизации. «Почему мобилизация? — спрашивали мужики, — вспоминает И. В. Громов, ведший в то время нелегальную работу в соседнем с Славгородским Каменском уезде. — Воевать будто не с кем, а воюют... Мысль воевать против России, идти на Москву была дикой, противоестественной»³⁷.

Поскольку ход Славгородского восстания уже был описан ранее автором настоящей статьи³⁸, остановимся только на основных его этапах, используя преимущественно некоторые новые материалы³⁹.

Центром подготовки, а затем и самого восстания стало село Архангельское, расположенное в 8 км севернее Славгорода. Оно имело и другое название — Черный Дол, поэтому восстание иногда называют Чернодольским. Здесь при активном участии бывшего члена Славгородского Совета, питерского рабочего-металлиста, большевика С. Г. Светлова образовалась нелегальная организация, в которую вошли крестьяне Червоный, Митро, Терebilло и другие. Деятельное участие в ее работе принимали также крестьяне некоторых других деревень, среди них особенно выделялся бедняк из поселка Андреевки, бывший фронтовик, член партии с 1917 г. П. И. Фисенко. К концу августа подпольщикам удалось распропагандировать значительную часть трудового

³⁴ «В борьбе с контрреволюцией», сб. документальных материалов (1918—1919 гг.), Омск, 1959, стр. 55.

³⁵ С. Г. Туманов. Указ. соч., стр. 49.

³⁶ См. Гос. архив Алтайского края, ф. 3, оп. 2, д. 29, л. 22.

³⁷ И. В. Громов. Указ. соч., стр. 50.

³⁸ Д. К. Шелестов. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг., М., 1959, стр. 91—100.

³⁹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 150—158.

крестьянства окружающих деревень. Вплотную началась подготовка вооруженного выступления.

Утром 2 сентября несколько тысяч крестьян-повстанцев, организованных в отряды, заняли Славгород, разгромив местный гарнизон⁴⁰. В тот же день на митинге, проходившем в городе, был избран уездный Военно-революционный штаб. В него вошла группа крестьян-повстанцев, а также бывшие члены Славгородского Совета — большевики Минеев, Светлов и Е. А. Кононов (питерский рабочий-медник). Председателем штаба был избран большевик Фисенко. Важно отметить, что в руководстве этим крестьянским по своему характеру выступлением участвовало несколько рабочих, в том числе и питерских.

Повстанцы разослали своих представителей по всему уезду. Началась подготовка уездного съезда Советов. Воззвания Военно-революционного штаба призывали крестьян бороться против Временного сибирского «правительства» за восстановление Советской власти. «Шлите вооруженных и безоружных людей с вашими выборными, — говорилось в одном из них, — для устройства крестьянско-рабочей власти»⁴¹. Пламя восстания разгоралось с каждым днем, охватывало новые и новые волости. В деревнях формировались повстанческие отряды. В частности, в селе Вострово большевики-подпольщики (И. Л. Копань и др.) создали отряд во главе с бывшим фронтовиком Е. М. Мамонтовым, ставшим год спустя главкомом партизанской армии⁴².

Размах восстания не на шутку напугал омское «правительство», которое бросило против повстанцев дивизию атамана Анненкова, сформированную из представителей кулацко-казацкой верхушки, хорошо обученную и вооруженную не только пулеметами, но и артиллерией. 10 сентября, сломив сопротивление восставших, анненковцы ворвались в Славгород. Село Архангельское было со всех сторон подождено карателями. Тысячи участников восстания были расстреляны, выпороты, брошены в тюрьмы.

Более недели, с 2 по 10 сентября, длилось героическое Славгородское восстание, в нем приняли участие тысячи крестьян из десятков деревень. Только бросив против повстанцев целую дивизию, «правительство» смогло потопить в крови это восстание.

Следующее крупное крестьянское выступление произошло в Томской губернии. Характеризуя обстановку в деревне, томский уездный комиссар доносил в начале сентября, что «население категорически отказывалось дать новобранцев, а также сделать раскладку земских и других общегосударственных налогов и производить уплату таковых»⁴³. Во всех уездах губернии нарастало недовольство. Но с особенной силой оно выявилось в Мариинском уезде, где во второй половине октября вспыхнуло мощное крестьянское восстание. «Восстание в Мариинском уезде, — сообщал в Омск томский губернский комиссар, — подготовлялось издавна»⁴⁴. Еще в сентябре в Томск стали поступать сообщения о том, что крестьяне южных волостей этого уезда отказываются платить подати и, в частности, не вносят сборы за лес, полученный в предшествующие годы. Было известно также, что здесь плохо идет мобилизация, многие призывники укрываются по деревням. В уезд был направлен карательный отряд. 5 октября, пополнив свои ряды за счет местной милиции, он выступил из Мариинска в кровавый рейд по

⁴⁰ «Известия Омского губкома РКП», октябрь 1922 г., № 4, стр. 35—36.

⁴¹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 155, 159.

⁴² См. В. Мирзоев. Партизанский главком. В кн. «Они боролись за власть Советов», Новосибирск, 1957, стр. 108.

⁴³ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», сб. док. и материалов, Томск, 1957, стр. 348.

⁴⁴ ЦГАОР и СС, ф. 1700, оп. 5, д. 41, л. 4.

деревням⁴⁵. Медленно продвигаясь на юг от магистрали, каратели пороли крестьян, силой взыскивали недоимки, хватали новобранцев и под конвоем отправляли их в Мариинск. Вечером 10 октября отряд вступил в село Чумай⁴⁶. Это село, расположенное в нескольких десятках километров на юг от Мариинска, и стало центром восстания, получившего название Чумайского. В селе действовала подпольная организация, в которую входили активные сторонники Советской власти З. Мельников, Е. Матренин, Масальский и другие. Организация поддерживала связь с нелегальными группами в других деревнях и особенно с подпольщиками села Шестакова, которыми руководил бывший рабочий Ленских приисков И. Мельников⁴⁷.

Прибывший в Чумай карательный отряд начал бесчинствовать, всячески добываясь, чтобы крестьяне заплатили недоимки и подати. «Почти с уверенностью можно сказать,— писал впоследствии заместитель губернского комиссара,— что поводом к восстанию послужило взыскание лесных сборов по трехкратной таксовой стоимости за лес, самовольно нарубленный при Советской власти, причем взыскание производилось при содействии военного отряда..., применявшего как средство понуждения к платежам порку»⁴⁸.

Доведенные до крайности, крестьяне восстали. При помощи повстанческих отрядов из других деревень чумайцы разгромили карательный отряд. Весть об этом послужила сигналом к выступлению бедняцко-средняцких слоев многих деревень южной части Мариинского уезда. В восстании приняло участие крестьянство более десяти волостей. Повсюду восставшие разгоняли милицию и чиновников, создавали отряды. Прибывший из Томска новый карательный отряд был 22 октября разгромлен, так и не пробившись к центру восстания — Чумаю. Восстание вплотную подкатилось к Мариинску, повстанцы в эти дни действовали всего лишь в 5 км от города⁴⁹.

В Чумае был образован штаб повстанцев, к нему тянулись нити руководства восстанием. Крупные повстанческие очаги возникли и в некоторых других селах. Так, в нескольких десятках километров на восток от Чумая, в селе Тисуле, местная нелегальная организация, в которую входили братья Синяковы, П. Батанин, М. Сумбаев, Н. Кирсанов, П. Трухницкий и др., подняла крестьянство окружающих деревень на борьбу с белогвардейцами. «Восстание,— вспоминает Н. П. Кирсанов,— охватило несколько волостей. За несколько дней благодаря широким связям подпольных большевистских ячеек была создана настоящая армия, насчитывающая около 3 тысяч человек. Правда, их вооружение было чрезвычайно плохим»⁵⁰.

На подавление крестьянского выступления были двинуты воинские части, прибывшие в Мариинск из Томска, Новониколаевска, Ачинска. К 26—27 октября им удалось ликвидировать основные очаги сопротивления. Однако возбуждение крестьян было так велико, что войска еще длительное время оставались в уезде.

Последнее крестьянское восстание из числа тех, которые вспыхнули еще до колчаковского переворота, прошло в Минусинском уезде Енисейской губернии. Поводом к нему, как и к описанному выше Чумайскому восстанию, послужили бесчинства карателей. Это признавали и сами белогвардейцы. «Большую роль в деле возбуждения населения

⁴⁵ «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.)», Кемерово, 1957, стр. 305.

⁴⁶ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 374—375.

⁴⁷ См. З. П. Мельников. Восстание в Чумае. «За власть Советов», стр. 134.

⁴⁸ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)», стр. 370—371.

⁴⁹ «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.)», стр. 299, 310—311.

⁵⁰ Н. П. Кирсанов. Восстание в Тисуле. «За власть Советов», Кемерово, 1957, стр. 134.

против существующего правительства,— говорилось в рапорте начальника Минусинского военного района,— сыграли казаки Енисейского полка, со стороны которых были случаи грабежей, а также насилия над женщинами. Что же касается порки направо и налево, то о ней говорить не приходится. Все это совершалось и совершается с ведома казачьих офицеров»⁵¹.

9 ноября крестьяне села Дубенского под руководством подпольщиков — рабочего-слесаря Кульчицкого, бедняка Оцепкова и др. напали на прибывший в село карательный отряд и разгромили его. «В селе Дубенском,— в панике сообщали белогвардейцы,— образовался Комитет, который рассылает по уезду нарочных с воззванием о свержении правительства и просит себе поддержки от других сел»⁵². Так вспыхнула первая искра восстания. Она упала на благодатную почву. С одной стороны, недовольство бедняцко-средняцких слоев в уезде уже достигло последнего предела, вплотную подвело их к взрыву, с другой,— нелегальные организации, действовавшие в деревнях, окрепли к тому времени настолько, что смогли поднять крестьянство на вооруженное выступление. Вот почему восстание в короткий срок охватило большой район.

Заняв крупное казачье село Каратуз и обеспечив тем самым свой тыл, повстанцы начали готовиться к наступлению на Минусинск. В их рядах насчитывалось уже несколько тысяч человек, сведенных в армии, которые подчинялись общему командованию.

18 ноября, в тот самый день, когда в Омске по указке англо-франко-американских интервентов разыгрывалась комедия «государственного» переворота и Колчак был провозглашен «верховным правителем», армией повстанцев начата операция против Минусинска. Предполагалось захватить село Городок, перейти по льду Енисей и окружить Минусинск с севера. Одновременно с юга другие части повстанцев должны были нанести удар по городу. Однако сражение за Городок, развернувшееся 19 ноября, кончилось поражением повстанцев⁵³.

Тем временем, еще не зная о поражении под Городком, с юга к Минусинску стали подходить повстанческие армии. Несмотря на то, что были приняты некоторые меры по их организации, они были плохо дисциплинированы, слабо связаны между собой и мало устойчивы. «Раскинутые на большом пространстве, плохо обученные и слабо вооруженные отряды,— вспоминает участник похода на Минусинск К. А. Колто-раков,— не могли обеспечить между собой прочной и постоянной связи. Шли толпой, без строя, не соблюдая элементарной воинской дисциплины. Командиры в массе своей оказались не способными руководить действиями повстанцев. Оружие у крестьян состояло в основном из охотничьих ружей и дубин»⁵⁴. Подойдя к Минусинску почти вплотную, на полтора—два километра, повстанцы 21 ноября были отбиты от города.

Это поражение оказалось роковым для восстания. Потеряв уверенность в успехе, крестьяне стали расходиться по своим деревням. В ближайшие после этого дни восстание было подавлено. Однако белогвардейцы так и не смогли добиться «успокоения» минусинских крестьян. «В настоящий момент,— доносил начальник минусинского военного района через много недель после разгрома восстания — в феврале

⁵¹ «Партизанское движение в Сибири», т. I, ч. I, стр. 35.

⁵² «Документы героической борьбы». Сб. документальных материалов, посвященных борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.), Красноярск, 1959, стр. 102.

⁵³ «Партизанское движение в Сибири», т. I, ч. I, стр. 23—24.

⁵⁴ «Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде». Абакан, 1957, стр. 33.

1919 г., — Минусинский уезд нельзя считать окончательно успокоенным, т. к. крестьянская масса под влиянием непрекращающейся работы большевиков и в связи с волнениями в Красноярском и Канском уездах начинает волноваться»⁵⁵.

Кроме перечисленных выше, были и другие крупные крестьянские восстания. Так, в Алтайской губернии вслед за Славгородским уездом поднялись на борьбу крестьяне Змеиногорского, а затем и Бийского уездов. В первом из них восстание началось в конце сентября, когда крестьяне села Шемонаиха, руководимые подпольщиками, разогнали карательный отряд. В восстании приняло участие трудовое крестьянство 60 деревень и сел. «Десять дней, почти непрерывным потоком, — писал один из руководителей восстания большевик В. Цыкунов, — изо всех сел и деревень приезжали делегации от крестьян, присоединившихся к нашему восстанию»⁵⁶. В начале октября дивизия Анненкова, «усмирявшая» славгородцев, была переброшена в Змеиногорский уезд и разгромила повстанцев. В Бийском уезде восстание вспыхнуло в середине ноября. К восставшим в Марушинской и Карабинской волостях присоединились крестьяне Новиковской, Озеро-Куреевской, Усятской, Солтонской, Сузопской и некоторых других волостей⁵⁷. Это выступление, как и предшествующие, также было жестоко подавлено. В Енисейской губернии, кроме отмеченного выше минусинского восстания, еще в сентябре прошло вооруженное выступление в селе Большая Мурта (в 100 км севернее Красноярска), в котором приняли участие крестьяне деревень Топково, Степно-Подъемная, Малый Кантат, Листвянка, Новгородская, Преображенская и др.⁵⁸.

* * *

Итак, в августе — сентябре 1918 г., т. е. еще до установления колчаковской диктатуры, почти по всей Сибири прошли крестьянские восстания. Они вспыхивали разновременно на огромной тысячеверстной территории от Тюкалинска до Минусинска. И хотя непосредственные поводы к каждому из выступлений были порой различны, в целом они вызывались общей причиной — глубоким недовольством трудового крестьянства политикой реставрации буржуазно-помещичьих порядков, которую проводило эсеро-меньшевистское «правительство».

Одна из характерных черт рассмотренных восстаний — их массовость. Как правило, в каждом из них принимали участие крестьяне десятков сел и деревень, создавались тысячные повстанческие отряды. Это объясняется тем, что основной движущей силой восстаний явилось трудовое крестьянство. Документы и воспоминания участников свидетельствуют о том, что зажиточная верхушка деревни — кулачество, торговцы, спекулянты — всячески противодействовала повстанцам, выступала против них, помогала карателям.

В восстаниях ярко проявилась свойственная вообще крестьянским движениям стихийность, слабость организации. Однако необходимо вместе с тем подчеркнуть, что в подготовке и проведении этих выступлений огромную роль сыграли сотни партийных и непартийных большевиков, развертывавших в деревнях нелегальную работу. Они сумели возглавить восстания, предотвратить стихийные, слепые бунты, внести в движение элементы организованности и дать ему политические лозунги. Правда, нелегальные деревенские большевистские ячейки действо-

⁵⁵ «Партизанское движение в Сибири», т. I, ч. I, стр. 35.

⁵⁶ В. Цыкунов. Указ. статья, стр. 46.

⁵⁷ ЦГАОР и СС, ф. 147, оп. 8, д. 1, л. 6.

⁵⁸ Г. А. Васильев. Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в Приенисейском крае в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, канд. дисс., Томск, 1957, стр. 74.

вали в тот период как правило, еще разрозненно, без тесной связи с крупными подпольными организациями в городах и Сибирским областным комитетом РКП(б)⁵⁹. Это, конечно, отразилось и на их руководстве крестьянскими восстаниями. Однако, несмотря даже на столь серьезный недостаток, в тот период уже выявилась характернейшая черта борьбы трудящихся за восстановление Советской власти в Сибири — руководящая роль Коммунистической партии.

Одна из наибольших трудностей при изучении названных восстаний заключается в том, что о них почти не сохранилось документальных материалов, особенно составленных самими повстанцами. Однако и немногочисленные дошедшие до нас документы убедительно опровергают тезис о поддержке крестьянами эсеро-меньшевистского «правительства». Один из руководителей Славгородского восстания С. Г. Светлов писал, что восстание шло под лозунгами «Долой произвол белых банд!», «Да здравствует власть Советов, власть рабочих и крестьян!». Не вызывает сомнения, что в массе своей повстанцы, и в том числе славгородские, выступали против политики сибирского «правительства» в целом. Об этом ярко свидетельствует один из немногих сохранившихся документов повстанцев. Мы имеем в виду воззвание Славгородского военно-революционного штаба, в котором дается ясная и четкая характеристика контрреволюционной сущности «правительства». Разоблачая его грабительскую, антинародную политику, повстанцы писали, что оно «без исключения имело задачей восстановить старое романовское время» и «при помощи насильственной мобилизации сохранить привилегии имущих классов — аристократии, духовенства и буржуазии»⁶⁰.

Основным лозунгом повстанцев был призыв восстановить Советскую власть. Конечно, среди наиболее отсталой в политическом отношении их части, стихийно поднявшейся на борьбу с белогвардейцами, не было еще четкого понимания, что вопрос стоит так: либо Советская власть, либо диктатура контрреволюции. Однако основная масса восставших шла не за этой отсталой частью, а за своими руководителями — участниками нелегальных организаций, ставивших главной задачей восстановление Советской власти. Выдвинутый партийными и непартийными большевиками лозунг Советов получил поддержку большинства восставших. Об этом свидетельствуют многие очевидцы и участники восстаний. «Кто находился тогда (2—10 сентября 1918 г. — Д. Ш.) в Славгороде, — пишет Т. Чувев, — тот не мог не заметить, что черномодольцы выступили против эсеровской власти и вели борьбу за восстановление Советской власти»⁶¹. Н. Обухов рассказывает, что повстанцы шли на штурм Минусинска с криками. «Даешь наши потерянные Советы!», «Власть Советов даешь!»⁶².

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что переход трудовых слоев сибирской деревни к борьбе с белогвардейщиной и интервенцией начался еще до установления колчаковской диктатуры, в августе — ноябре 1918 г. «В крестьянской среде, — сообщал в октябре 1918 г. в Москву Я. М. Свердлову один из сибирских партийных работников, — настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной етихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском, Змеиногорском, Кузнецком, Мариинском уездах и на всем Алтае. Восстает ряд волостей, образуются революционные комите-

⁵⁹ «Восстанием руководили, — пишет о минусинском выступлении один из его активных участников Н. К. Обухов, — отдельные большевики без связи с подпольными большевистскими организациями. Действовали на свой страх и риск» (Н. Обухов. Указ. соч., стр. 151).

⁶⁰ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 58.

⁶¹ Т. Чувев. Указ. соч., стр. 157.

⁶² Н. Обухов. Указ. соч., стр. 149.

ты и подавляются со страшной жестокостью... Настроение среди крестьян теперь подходящее»⁶³.

При этом еще раз необходимо подчеркнуть, что речь идет о начале поворота. Нельзя понимать переход крестьянства на сторону Советской власти как какой-то единовременный акт. В. И. Ленин указывал, что «...лишь в долгой и жесткой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее*, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»⁶⁴. Так было и в Сибири. Эсеро-меньшевистская плетка уже в августе — ноябре 1918 г. заставила многих крестьян задуматься над тем, что они потеряли с падением Советской власти. Колчаковская нагайка доделала эту работу. «Число крестьян, сочувствовавших Советской власти, — писал, характеризуя обстановку в Сибири осенью 1918 г., один из подпольщиков А. Е. Сергеев, — с каждым днем увеличивалось. Однако многие середняки, сбитые с толку кулаками, оставались все еще на стороне колчаковцев. Но скоро и они увидели их истинное лицо»⁶⁵. Кровавый опыт колчаковщины показал массам сибирского трудового крестьянства, что только Советская власть может избавить их от господства контрреволюционной буржуазно-помещичьей диктатуры.

Начавшийся поворот сибирского трудового крестьянства на борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией уже с осени 1918 г. создал решающие предпосылки для складывания в Сибири военно-политического союза рабочего класса с массами трудового крестьянства и развертывания партизанского движения. Примечательно, что уже во время этих первых крестьянских выступлений повстанцами была высказана идея необходимости союза с рабочим классом. «Товарищи крестьяне и рабочие, — говорилось в воззвании Славгородского штаба, — сознайте, что только сплоченною силою мы сможем свергнуть ненавистное нам офицерство, чиновничество и прочих прихвостников временного сибирского правительства»⁶⁶.

Перелом в настроении массы трудового крестьянства, происходивший в Сибири, был одним из конкретных проявлений общего процесса глубоких сдвигов в сознании трудового крестьянства страны. Следуя ленинским указаниям, VIII съезд партии постановил перейти от политики нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. Это имело огромное практическое значение для деятельности большевистского подполья Сибири. III Сибирская подпольная конференция РКП(б), следуя указаниям ЦК партии, приняла в марте 1919 г. важнейшие решения, направленные на вовлечение масс сибирского трудового крестьянства в борьбу против колчаковщины, за восстановление власти Советов в Сибири. Переход сибирского трудового крестьянства на сторону диктатуры пролетариата, окончательно определившийся после установления колчаковской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства обеспечили развитие в Сибири массового партизанского движения. Развернувшись под руководством пролетариата и его передового авангарда — Коммунистической партии, оно оказало неоценимую услугу Красной Армии, которая, разгромив контрреволюцию, навсегда освободила трудящихся Сибири.

⁶³ «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, М., 1941, стр. 349.

⁶⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 245.

⁶⁵ А. Е. Сергеев. В борьбе с контрреволюцией. «За власть Советов», стр. 144.

⁶⁶ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», стр. 158.